

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЛЧАКОВСКОЙ ВЛАСТИ И БАШКИРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1918-1920 гг.)

В работе рассматриваются причины раскола среди лидеров башкирского национального движения в годы гражданской войны, особенности взаимоотношений сторонников Курбангалиева с колчаковской администрацией.

В советской историографии концепция истории национального движения основывалась на положении о существовании в нем тенденций:

- 1) буржуазно-националистической и
- 2) социалистической, пролетарской тенденций.

Содержание первой сводилось к стремлению старых господствующих классов захватить руководство национальным движением и сотрудничать с белогвардейцами. Вторая тенденция оценивалась как желание рабочего класса и всех трудящихся национальных районов объединиться с русским пролетариатом и крестьянством в борьбе за победу в социалистической революции и уничтожение национального гнета, создание равноправного союза наций в рамках демократического государства.

История башкирского национального движения 1917-1920 гг. изучалась в рамках установки о закономерности победы идеологии политики пролетарского национализма над буржуазным национализмом. Одного из лидеров башкирского национального движения А.-З. Валидова рассматривали как контрреволюционера и слугу империалистической буржуазии. Тогда же в советской историографии появился термин «валидовщина», означавший контрреволюционное буржуазно-националистическое движение в Башкирии в годы гражданской войны. Причина перехода башкирских войск на сторону Красной Армии оценивалась как акт политического прозрения башкирских солдат, что и заставило Валидова временно перейти на сторону советской власти.

Только в конце 1950-х гг. советские историки стали анализировать различные аспекты этого национального движения, взаимоотношения его с советской властью и белогвардейскими правительствами. Но политика Валидова продолжала рассматриваться как препятствие на пути создания советской башкирской автономии, а факт перехода Башкирского правительства и башкирского войска на сторону большевиков в феврале 1919г. оценивался как нежелание воевать против советской власти и осознание ими классовой сущности колчаковщины. Но в то же время указывалось на то, что другой причиной являлось непризнание Верховным правителем автономии Башкирии. При этом подчеркивалось, что башкирская буржуазия действовала в союзе с феодальными слоями для закрепления монопольного права на эксплуатацию своего народа.

В современной российской историографии получила широкое освещение проблема национальной башкирской самоорганизации и национального строительства. Переосмыслению подверглись роль А.-З. Валидова, башкирского национального движения, его целей, более полно воссоздана фактологическая сторона создания башкирской автономии, что позволило сформировать более адекватное представление об этих

событиях. Исследователи подчеркивают общенациональный характер движения за автономию Башкирии, его демократическое содержание. В работах современных историков указывается на то, что автономию Валидов и его сторонники понимали довольно широко.

Ряд исследователей останавливаются на вопросе неоднородности башкирского движения. Так, Ф.Х. Гумеров выделяет внутри движения три направления:

- 1) большевистское;
- 2) монархическое во главе с Г.-М. Курбангалиевым, сторонники которого придерживались политики сохранения единой России с предоставлением культурно-национальной автономии башкирам;
- 3) демократическое во главе с Валидовым, охватившем большинство населения.

В советской историографии, исходя из классовой оценки исторических процессов, рассматривались только большевистское и валидовское движения. Движение сторонников Курбангалиева упоминалось как пособническое Колчаку. Отголоском этих настроений является определение этого течения Ф.Х. Гумеровым, назвавшем его монархическим. Такое определение едва ли соответствует действительности, ибо ни Колчак, ни Курбангалиев не заявляли о восстановлении монархии. Современные башкирские историки практически не изучают это движение. Более взвешенную позицию в этой проблеме имеют Б.Х. Юлдашбаев, И.Ф. Плотников, С.М. Исаков. И.Ф. Плотников считает, что не Валидов, которого мало интересовала судьба страны в целом, а именно группа Курбангалиева «стремилась к освобождению России от большевистской власти вместе с русскими и другими народами», а затем уж к созданию культурной автономии башкир [1. С. 117-118, 120].

Историки выделяют различные причины раскола среди башкирских лидеров. Это связано было в том числе с религиозным фактором. Идеино-философскую основу мусульманства в Башкирии составлял ишанизм - разновидность суфизма. Вокруг ишана (учителя) шло объединение не столько по социальному, сколько по территориальному признаку, что отражало родовые традиции башкирского общества. Ишаны имели многочисленных мюридов (учеников), являлись уважаемыми религиозными авторитетами. Под их влиянием происходило формирование основной части башкирской интеллигенции.

Двумя крупными противоборствующими ишанскими родами были династия Расулевых, исповедующих идеи джадидизма, что оказало большое влияние на формирование ценностных ориентации Валидова, и ишанский род аргаяшских башкир Курбангалиевых, исповедовавших идеи кадимизма. Курбангалиевы были известными муллами и одновременно крупными землевладельцами. Последователи Расулева и Кур-

бангалиевых (Габдул-Хакима и Габидуллы) представляли собой два течения в башкирском ишанизме, отражавшие борьбу ислама, устоявшегося в местной среде, с любыми попытками его модернизации. Ишанизм Расулева приобрел либерально-просветительскую окраску. Второе направление было более консервативным. Нормы ислама, элементы исламской этики философии получили отражение в национальном движении, в частности, в деятельности Валидова, призывавшего к сохранению религии и языка как главных факторов этнической целостности башкир. Расхождение религиозного характера переросли в политическое противостояние между последователями обоих ишанов. Сторонники Валидова контролировали юго-восточную часть исторической Башкирии, а семейство Курбангалиевых - северо-восточную ее часть (Верхнеуральский и Челябинский уезды). Требуется дальнейшее изучение причин раскола башкирского движения, различие его целей, взаимоотношений с властными структурами [1. С. 121].

Изучение национальных движений невозможно без анализа действия властей, их национальной политики. Определение целей национальной политики белогвардейцев, ее принципов, мотивов, механизма осуществления в конкретных условиях является одной из важнейших задач современных российских исследователей. Рассмотрение взаимодействия, в частности, башкирского национального движения и колчаковской администрации позволяет выявить многофакторность причин, которые влияли на выработку национальной политики Верховного правителя в отношении мусульман.

В 1917 г. в обстановке ослабления центральной власти и бурного развития демократического движения в России башкирское национальное движение приобрело достаточно большой размах. Идеи национально-культурной и территориальной автономии Башкирии в составе России приобрели популярность среди башкирского населения. 15 ноября 1917 г. была провозглашена автономная Башкирская республика (Малая Башкирия), включавшая территории ряда волостей Оренбургской и Уфимской губерний с преобладанием башкир. Идеологом и фактическим руководителем провозглашенной автономии стал известный башкирский общественный деятель А.-З. Валидов. Первоначально правительство Валидова сотрудничало с самарским Комучем, Временным сибирским правительством, Директорией.

После установления власти А.В. Колчака, не признавшего права башкир на автономию, башкирское правительство пошло на сотрудничество с советской властью, которая предоставила башкирам автономию. Башкирские войска перейти на сторону Красной Армии.

В этот острый момент отношений между башкирским войском и правительством адмирал Колчак встретился 15 февраля 1919 г. в Челябинске с другим башкирским лидером Курбангалиевым и пообещал поддержку в «удовлетворении башкирских нужд, включая даже самоопределение по административным делам с устроением самоуправления башкир вроде казачьего» [2. С.100-101]. Войсковой круг Оренбургского казачьего войска предложил башкирам принять казачество и тем самым обеспечить самобытность казаков и башкир [3. С. 368-369].

Но по отношению к Валидову власть оставалась непримиримой. 18 февраля 1919 г. командующим Западной армией была получена шифрованная телеграмма от Верховного правителя, в которой предлагалось принять меры к ликвидации кантонных отрядов, аресту Валидова и Кулаева [4. С. 397]. Телеграмма была расшифрована только на следующий день, что спасло Валидова от ареста, так как 18 февраля он перешел вместе с башкирским войском на сторону советской власти.

20 февраля А.В. Колчак подписал воззвание к башкирам, размноженное в количестве 40 тыс. экземпляров. В нем отмечалось, что «народ башкирский уже несколько веков пользуется защитой и покровительством закона и власти» Российского государства, осуждались действия «незначительной части башкир, презревших вековое сотрудничество своих отцов и дедов с русским населением на ниве труда и на полях ратных» и забывших, «что преуспеяние и развитие культурно-хозяйственной жизни башкирской народности возможно только в составе России».

В возвании башкирам гарантировалось «много мирного самоуправления в вопросах местных... свобода мирного национального развития под сенью государственности». Верховный правитель убеждал башкир не верить тем, кто сулил «несбыточные обещания государственной самостоятельности», кто российское правительство представлял как недоброжелателя «вашего религиозного и культурного самоуправления» [2. С. 605].

Одновременно развернулась кампания по дискредитации Валидова, которого представляли как авантюриста революционной эпохи, случайную фигуру, увлекшуюся идеей национального шовинизма и отчасти соблазнившегося миллионами, которые лились из русской государственной казны [5. С.605]. В годы революции и гражданской войны личных амбиций среди различных политических лидеров было достаточно, но они реализовывались в той мере, в какой встречали отклик среди населения.

В противовес Валидову сторонники Курбангалиева назывались государственниками. Габдулхай Курбангалиев убеждал башкир в благожелательном отношении к ним правительства Колчака. Позднее его сторонники вспоминали о том, что старались предостеречь башкир «от несвоевременного предъявления какого-либо требования правительству, хотя бы даже национально-культурного и духовного» [С. 101]. Они полагали, что все уладится после устранения большевистской диктатуры. Курбангалиевцы указывали на несостоятельность надежды на получение подлинной автономии Башкирии из рук большевиков.

Командование колчаковской армии обещаниями и подкупами, а не только репрессиями пыталось удержать башкирские части на своей стороне. Так, командующий Западной армией генерал Ханжин, командир 6-го Стерлитамакского корпуса генерал Печенкин, атаман 2-го округа белоказачьих войск Захаров - каждый от своего имени выпустили обращения, в которых призывали башкир одуматься, не следовать за теми, кто перешел на сторону Красной Армии. Они обещали удовлетворение требований башкир после победы над большевиками. Генерал Ханжин писал следу-

ющее: «Верховный правитель приказал мне охранять вашу родину и ваши кантоны. Небольшую часть ваших земель успели занять красные, потому что среди вас не было солидарности, порядка, и у вас не было денег... Всем этим Верховный правитель с этого времени будет вас снабжать, только ставит условие - бросьте вы заниматься политикой и все силы посвящайте охране вашей родины» [4. С. 401].

В своем обращении к башкирам командир Стерлитамакского сводного корпуса генерал-майор Белов заявил о подчинении всех башкирских частей именно ему по приказу командующего Западной армией. Валидова он назвал изменником башкирского народа, приказал вернуться всем тем, кого «смутил Валидов» и призвал к борьбе с безбожниками и грабителями-большевиками. Добровольцам он предлагал вступить в стрелковые полки, которые должны были снабжаться не хуже остальных полков Западной армии [6].

Генерал Печенкин и атаман Захаров считали необходимым арестовывать всех, кто переходил на сторону Советов, и призывали вернуться перешедших к верным союзникам - белоказакам.

В докладной записке одного из колчаковских офицеров были сформулированы предложения по решению башкирского вопроса, которые включали поощрение башкир «видимыми знаками внимания за верность и службу в борьбе с большевиками»: медалями, похвальными листами с печатью, халатами; населению же отпускать в виде подарков сахар и чай по минимальной цене. Но к тем, кто поддерживал большевиков, он предлагал применять самые беспощадные меры - вплоть до уничтожения их деревень и аулов со всем населением [4. С. 402].

В результате отношение к башкирским частям, перешедшим на сторону белогвардейцев, стало более лояльным. В частности, 1-й башкирский полк во главе с Муртазиным сразу вошел в состав корпуса генерала Белова. Немедленно всем башкирам из этого полка восстановили звания казачьих войск: корнет, хорунжий, есаул, ротмистр и т.д. Муртазин получил деньги для формирования отдельной башкирской бригады и объявил с этой целью мобилизацию молодежи [7. С. 13].

Но самоуправление башкир весной-летом 1919 г. не было образовано. Здесь была создана новая административная единица - край. На всю Уфимскую губернию была распространена власть главного начальника Самаро-уфимского края генерала Вишневого, восстановлено прежнее земское управление, во все уезды были назначены управляющие.

Тем не менее, как отмечали военные, в частности генерал-майор Белов, командир южной группы белогвардейских войск, в мае 1919 г. башкиры Верхнеуральского, Орского, Стерлитамакского уездов достаточно дружелюбно отнеслись к наступающим правительственным войскам Колчака, обезоружили красноармейцев, которые их грабили. В специальной записке он указал на то, что у башкирского населения не было к тому времени скота, одежды, продовольствия, были случаи смерти от голода. Генерал Белов предложил для спасения края от гибели принять «безотлагательные меры» к снабжению башкир Южного Урала мукой, чаем, сахаром, мануфактурой, оказать медицинскую помощь [8. Лл. 15]. Несмотря на все усилия

колчаковской администрации, она не смогла вернуть башкирские войска вместе с их командующим А.-З. Валидовым.

В этот период времени на территории, занятой белогвардейцами активным становится деятельность Курбангалиева и его сторонников, которые сохраняли лояльность к колчаковской власти. Об этом свидетельствуют резолюции, принятые на собраниях ряда территорий северо-восточной Башкирии. Так, собрание представителей Давлетбаевской волости 25 ноября 1918 г. приняло решение о поддержке единоличной власти Верховного правителя, как твердой и необходимой в условиях развала, как единственной для «спасения Родины как от внешних, так и внутренних врагов» [9. Л. 175]. О полной поддержке Верховного правителя заявили башкиры Челябинского уезда [10]. Об этом же сообщал Троицкий уездный комиссар, характеризуя настроения башкир в уезде и городе [16. Л. 17]. Курбангалиевы вместе со своими сторонниками имели поддержку среди аргаяшских башкир, создав тем самым основу для башкирского движения в Сибири.

Курбангалиевцы предлагали свои варианты решения башкирской проблемы, отличные от валидовского. В конце 1917 - начале 1918 гг, они допускали возможность выделения автономного Башкурдистана и признание и его правительства, но объясняли это тем, что хотели оградить башкир от большевизма. Кроме того, они полагали, что решения Учредительного курултая могли вступать в силу только после референдума, как это было записано в его резолюции, но такого валидовцы не провели. В целом, курбангалиевцы отрицали необходимость территориальной автономии как противоречащей государственному единству России. Еще одним аргументом против этого являлось смешанное проживание русских и башкир [2. С. 95]. Поэтому они призывали не подчиняться распоряжениям башкирского правительства. Кроме того, курбангалиевцы занимали особую позицию по земельному и религиозному вопросам. Одной из основных задач башкирского движения они считали решение религиозных вопросов. В первую очередь - создание автономного духовного управления башкир, независимого от татарского.

С начала 1919 г. они стали устанавливать отношения с колчаковской властью. М.Г. Курбангалиев вместе с И.Гадельшиным, С. Ахмеджановым и Ш. Факрисламовым 9 января 1919 г. прибыли в Омск, чтобы сообщить о своих требованиях колчаковскому правительству. В своих встречах с представителями власти они обосновали неприятие образования Советской Башкирии тем, что в этот регион сможет проникнуть большевизм, произойдет социализация башкирских земель, станет возможным усиление влияния татар после создания общемуусульманского правительства.

В своем обращении к Верховному правителю А.В. Колчаку они осудили действия А.-З. Валидова, переход башкирских войск на сторону советской власти, обосновав это отрицательными последствиями, в частности, принятием постановлений башкир в ряде волостей о территориальном присоединении к Сибири [12. С. 324]. Другой лидер этого движения Г. Таган в своих воспоминаниях писал о том, что сторонники Курбангалиева считали невозможным полную политическую само-

стоятельность башкир, но хотели обеспечить башкир самоуправлением «на государственных началах», т.е. на законных основаниях по договору с властью [12. С. 325].

В начале 1919 г. сформировалась группа уполномоченных от башкир Челябинского уезда и казачьих мусульман Троицкого уезда в составе М. Казимуратова, М.-Г.Курбангалиева, Г. Гайнитдинова, М. Зиянтдинова. Именно они составили докладные записки министру внутренних дел, председателю Совета министров, Верховному правителю, в которых описали историю башкир в составе России, дали анализ ситуации 1917-1918 гг. и политики Валидова, сформулировали собственные требования в области национально-культурной и духовной жизни, земельных отношений. Они подчеркнули, что в условиях отсутствия организационного башкирского центра после ухода валидовского правительства некоторые политические партии, татарские организации и Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири развернули антигосударственную агитацию, стремясь подчинить своему влиянию всех мусульман. Национальное управление они обвинили в том, что оно узурпировало национальные и духовные дела всех мусульман.

В каждой из докладных записок содержались и многие новые моменты, которые выражали требования башкир. Так, в докладной записке председателю Совета министров от 28 мая 1919 г. они определили задачу уполномоченных от башкир следующим образом: «не увлекаясь ни панисламизмом, ни пантюркизмом», а также предложениями своих единоверцев-татар, соседей-казачков, и дожидаясь освобождения Башкирии от большевиков, предостерегать башкир от «несвоевременно-го предъявления правительству» требований хотя бы даже национально-культурного или духовного характера. Они подчеркнули опасность для башкир растущего татарского влияния и просили власть оградить их от этого, расформировав Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири, категорически отвергнув его представительство от имени всех мусульман, в том числе и на международной конференции в Париже.

В этой же докладной записке был сформулирован еще ряд просьб.

1. Издать особую Декларацию правительства о равноправии башкир, «пользующихся национальным самоопределением» с обязательством власти охранять права башкир на землю, и не допускать переселения других народностей на территорию Башкирии.

2. Разрешить созыв Всебашкирского съезда в Челябинске или Уфе 15 июля 1919 г. (программа которого вначале будет выработана на конференции представителей башкир Челябинского уезда и сообщена министру внутренних дел).

3. Позволить временное утверждение духовных лиц магометан на губернских правлениях и управляющими округами согласно статьям свода законов по делам иностранных исповеданий (с ограничениями требований аттестата заведующих медресе о научном достоинстве кандидатов на духовные должности) [13. Л. 11 (об.); Л. 18 (об.); Л. 12, 19].

В представленной адмиралу Колчаку 12 мая 1919 г. докладной записке М. Казимуратова и Г. Курбангалиева особый акцент делался на негативной роли На-

ционального управления тюрко-татар из-за его вмешательства в духовную жизнь башкир. Они обвинили Национальное управление «в отатаривании» мусульман и потребовали, чтобы были отданы распоряжения о невмешательстве этого управления в дела башкир и переименовании его из тюрко-татарского в татарское, и удалении из пределов Башкирии [14. С. 211].

Авторы записки полагали, что «после всякого рода классового, партийного и национального дробления России» российские граждане должны понять, что «поднятие их уровня сознательности, укрепления порядка и спокойствия» требует «признания самостоятельности национально-культурной и духовной для каждой народности», а не организация оппозиции, «которая может обострять отношения между русским народом и мусульманами».

Они подчеркнули, что башкиры еще в декабре 1917 г. образовали отдельное башкирское духовное управление, но поскольку оно находилось при правительстве Валидова, то после его перехода к большевикам оно прекратило свое существование. Авторы настаивали на том, что башкиры постоянно хотели «сохранить свой родной язык, родные обычаи», существовать самостоятельно именно как башкиры.

М. Казимуратов и Г. Курбангалиев в этой записке подчеркнули факт добровольного присоединения башкир после перехода Валидова на сторону большевиков к общегосударственной политике и подчинении власти Верховного правителя. Желание башкир, как отметили уполномоченные, - сохранить самобытность, не попасть вторично «под новое иго татар». Они указали на то, что такие требования башкир отвечают общегосударственным интересам. Одновременно они делали вывод о необходимости предоставления каждой народности национально-культурной самостоятельности [13. Л. 16, 21].

1 июня 1919 г. на основании резолюции председателя Совета министров управление делами Верховного правителя и Совета министров передало копии докладной записки уполномоченных от башкир в МИД на отзыв. Управление просило «в случае одобрения изложенного в записке для претворения в жизнь» разработать законопроект и внести его на рассмотрение Совета министров. Такие же копии были отправлены министрам внутренних дел и земледелия [13. Л. 10-10 (об.)].

21 июня 1919 г. управляющий МИД И.И. Сукин и исполняющий должность советника I политического отдела МИД И. Ханжин отправили заключение по ходатайству башкир управляющему делами Верховного правителя и Совета министров. В нем содержалась оценка роли мусульман в жизни России и давались рекомендации относительно политики к мусульманам, казанским татарам, башкирам.

Министерство уведомяло, что «пожелания башкирского населения заслуживают полного внимания» по целому ряду причин, и сформулировало основные принципы национальной политики в мусульманском вопросе. Министерство отметило многочисленность мусульманского населения в России (около 20 млн человек), что определило его в качестве важного геополитического фактора. Всегда существовала, как было отмечено, опасность пантюркистского и панисламистского влияния на них со стороны Турции и дру-

гих стран. Кроме того, было указано, что мусульмане проживают в приграничных районах и потому играют немаловажную роль во внешних сношениях.

Но министерство особо подчеркнуло важность «надлежащего устройства быта ее мусульманских подданных» для «правильного течения государственной жизни». Обращалось внимание на гегемонистские устремления казанских татар среди мусульман. Башкирский вопрос признавался важным в деле освобождения от этой гегемонии, поскольку он удовлетворял собственные национальные требования башкир, разобщал с татарами и киргизами. Министерство полагало, что общемусульманское единение создавало бы дополнительные трудности в политике государства.

Устройство быта на автономных началах соответствовало, по мнению МИД, общегосударственным интересам и совпадало с заявлениями правительства о намерении предоставить автономию народностям, имеющим на это этнографические и исторические права, на ту или иную систему самоуправления [13. Л. 6-6 (об.); Л. 7 (об.)].

Министерство иностранных дел выделило башкирский вопрос как первоочередной в деятельности МВД и Министерства исповеданий и предложило именно им разработать законопроект с привлечением, если потребуется, представителей МИД для обсуждения общих положений.

В заключении МИД содержалась рекомендация по проведению национальной политики в башкирском вопросе: в интересах дела закон о башкирах следовало разработать так, чтобы по существу своему он являлся «башкирским», а не противотатарским, «каковым он является сам по себе». Министерство советовало избегать «неосторожного противопоставления одной народности интересам другой» при разрешении вопросов управления отдельными народностями, ссылаясь на опыт старой России, который показал, как для государства вредна подобная политика, преувеличивавшая и возводившая в принцип такое противопоставление, которое можно использовать только в разумных пределах [13. Л. 7(об.)].

В свою очередь, Министерство внутренних дел сообщило МИД о том, что в июне 1919 г. здесь подробно изучался башкирский вопрос, и по его разработке «результаты будут сообщены в Министерство иностранных дел» [13. Л. 17].

12 июня 1919 г. в письме к И.И. Сукину, управляющему МИД, министр внутренних дел В.Н. Пепеляев известил «о вполне благожелательном отношении» МВД к стремлениям «некоторых населяющих Россию национальностей обеспечить специальными законодательными актами Правительства свободное развитие своих национальных и культурных особенностей в единении с общегосударственной жизнью России». К числу таких народностей он отнес татар, башкир, а также другие племена, обратившиеся с соответствующими ходатайствами. Все они, по заверению министра, находились на рассмотрении его ведомства и должны были стать основой для представлений в Совет министров «о признании за этими этнографическими единицами национально-культурной самобытности».

Одновременно В.П. Пепеляев сообщал о башкирском съезде, проведение которого он санкционировал

«для определения своих национально-культурных задач и способов их осуществления» [13. Л. 8-8(об.), Л. 45-46; 15].

Вся переписка свидетельствовала о том значении, которое придавала власть башкирскому вопросу. Подтверждением служит документ, представленный в июне 1919 г. управляющим МВД в Управление делами Верховного правителя и Совета министра. В нем против каждого из требований, изложенных в докладной записке башкирских уполномоченных председателю Совета министров, были сделаны пометки о степени их выполнения. В частности, было отмечено, что вопрос о башкирских землях обсуждался Межведомственной комиссией в Министерстве земледелия и по нему было вынесено решение. Что касается требований об издании особой декларации по поводу самоуправления башкир, то было указано на то, что «в области внутреннего управления и самоуправления башкир ведомство внутренних дел не предполагает выступать с декларацией общего характера, хотя полагает, что декларирование земельных прав башкир было бы желательным».

Управляющий констатировал факт разрешения съезда башкир в Челябинске 15 июня 1919 г. Он указал, что вопрос о духовных лицах магометан был передан в Главное управление по делам вероисповеданий в компетенцию которого он входил [16. Л. 51—51 (об.)].

В докладе главноуправляющего по делам вероисповеданий П.А. Прокошева председателю Совета министров от 25 августа 1919 г. были определены позиции ведомства к различным течениям среди мусульман с тем, чтобы «помочь правительству выработать правильный курс в политике». Особое внимание в башкирском вопросе П.А. Прокошев уделил проекту «О духовном управлении мусульман Башкирии». Он выделил:

- 1) структуру управления (приход - волостной казиат - съезд волостных казиев - высшее духовное управление);
- 2) основы формирования управления - выборность духовных лиц с утверждением в высших духовных инстанциях;
- 3) круг полномочий отдельных инстанций.

Этот проект об автономном духовном управлении башкир П.А. Прокошев назвал «приемлемым по содержанию», отметив, что он противостоит тюрко-татарскому влиянию, и сделал вывод о том, что «само существо задач правового государства диктует российской власти необходимость в поддержке совершенно справедливого стремления башкир к особому автономному духовному управлению». Автор доклада полагал, что надежда получить свое духовное ведомство для ограничения от насильственного влияния Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири «заставляет башкирскую народность ориентироваться прежде всего на русскую государственность» [14. С. 244-245].

Правительством был предпринят ряд мер для удовлетворения требований башкир. Так, 5 июня 1919 г. в Министерстве земледелия состоялось совещание по вопросу обеспечения землей башкирского населения с участием представителей последнего. По просьбе башкир намечалось выяснить вопрос о казенных оброч-

ных статьях, а затем о бывших башкирских землях, поступивших в заведование Крестьянского поземельного банка. Было решено, что в текущем году башкиры должны пользоваться землей на основании временных соглашений [17]. 7 июня в Министерстве зем-еделия прошло специальное заседание, где обсуждались вопросы преимущественных прав башкир на землю, а также эксплуатацию запасных земель. С учетом того, что последние были образованы из земель башкир-вотчинников и находились в распоряжении казны временно, а с другой стороны, пришлое население уже хозяйственно было связано с этими землями, постановили предоставить в пользу башкир лишь чистый доход с этих земель. Одновременно присутствующие на встрече высказывались за участие представителей башкир в делах по эксплуатации означенных земель [19,20].

Не меньшее значение башкиры придавали проблеме лесных угодий. По закону 1894 г. башкирские леса Уфимской губернии передавались в заведование казенного лесного управления. Причем на содержание лесной страны был установлен подесятинный сбор (2 копейки) в размере норм, определенных на содержание лесничих и их помощников, который не покрывал в 1919 г. содержание стражи. Лесной департамент предложил увеличить сбор до 20 копеек, так как нельзя было оставить без охраны леса, имеющие важные государственное значение [21]. Совет министров утвердил его в размере 30 копеек с каждой десятины этих лесов [22]. Эта мера рассматривалась правительством как исключительно охранительная. Но леса не были возвращены в непосредственное пользование башкир.

О стремлении власти сотрудничать с башкирами свидетельствуют и другие факты. При встрече в Омске в апреле 1919 г. с официальными лицами атаман Дутов высказал мысль о необходимости информировать башкирское и киргизское население о деятельности и намерениях правительства и предложил полностью поддержать работу, предпринятую в этом направлении отделом печати при Совете министров [23].

В октябре 1919 г. вышел первый номер башкирской газеты «Герой-башкир». Газета издавалась «Осведстепью» под руководством и временной редакцией уполномоченных от башкир с лозунгом «Только при очищении России от большевизма и бунта башкиры могут существовать» [24].

Представители власти сами ходатайствовали об организации встреч с башкирскими лидерами. Так, в письме главноуправляющего по делам вероисповеданий профессора Прокошева в МИД выражалась просьба принять уполномоченного от башкир Г. Курбангалиева, поскольку в его беседе с В.П. Вологодским, председателем Совета министров, были затронуты важные вопросы, касающиеся Министерства иностранных дел [13. Л. 1].

Благожелательное отношение к башкирским лидерам сохранилось и осенью 1919 г., когда М.Г. Курбангалиев и Г.А. Антдаев обратились за материальной помощью к военному министру, так как оказались в Омске без денег и одежды. Военный министр в ноябре 1919 г. обратился с ходатайством о ежемесячной выдаче пяти представителям башкир по 5 тыс. руб. и единовременного пособия на покупку теплой одежды и обуви. Он считал, что, покинув родные места, они

продолжали быть «связующим звеном между родственным им населением и властью» и заслужили материальную поддержку. Положительное решение этого заявления они получили от министра внутренних дел [25. Л. 204,211].

Значительные усилия Курбангалиев и его сторонники приложили для организации башкир и выработки общих требований. Главное внимание в деятельности курбангалиевцев отводилось проведению конференций и съезда, где ставилась задача определения единой тактики в земельном и национально-культурном вопросах. 22-23 июня 1919 г. в Челябинске состоялась конференция, в которой участвовали общественные деятели и представители башкир (85 человек) Верхнеуральского, Екатеринбургского, Красноурфимского, Стерлитамакского, Троицкого, Челябинского и Шадринского уездов. Конференция носила характер подготовки к всеобщему башкирскому съезду и приняла ряд важнейших резолюций, касающихся общественной жизни башкир.

После доклада о благожелательном отношении правительства к делам башкир конференция отправила приветственную телеграмму П.В. Вологодскому и выразила готовность поддерживать правительство в войне против большевиков до окончательной победы [13,26-28].

В постановлениях конференции было высказано отрицательное отношение к Национальному управлению тюрко-татар внутренней России и Сибири, как не отражающего мнения всех мусульман. Деятельность его признавалась вредной в вопросе о возрождении России и урегулировании башкирских дел. Конференция просила правительство немедленно распустить его.

На предстоящий башкирский съезд выносился ряд вопросов. Один из важнейших - организация и способы формирования Национального или только Духовного управления башкир, а также установление объема их прав, порядка ведения дел, финансовое обеспечение. Намечался пересмотр постановлений Учредительного съезда Башкурдистана по этим проблемам. Предполагалось избрание членов этого Управления или установление порядка созыва Духовного съезда. К тому же предлагалось обсудить обеспечение «национальных нужд и стремлений» башкирских воинских частей, земельных требований башкир. Отдельным пунктом была выделена проблема о взаимодействии с оренбургскими казаками и заключении казачко-башкирского союза [13. Л. 13; 28; 29].

Башкирские лидеры занимались поисками союзников. Так, 3 марта 1919 г. было создано собрание представителей пяти башкирских волостей Челябинского уезда (Мавлютовской, Давлетбаевской, Сунтаевской, Черминской, Метелевской) для переговоров с делегацией войскового круга Оренбургского казачьего войска. Здесь был выслушан доклад делегации оренбургских казаков о положении казачьего войска и предложения представителей башкир войсковому кругу для изыскания мер по укреплению связи и взаимной помощи башкир и казаков и вступления башкир в казачество. Собрание поблагодарило казаков «за добрососедские предложения». При этом ответственность за обострение отношений с казаками была возложена на «авантюриста Валидова». В ре-

зюляциях было отмечено, что башкиры, «стоя на точке зрения государственности» поставили перед собой задачу очищения России от безбожников-большевиков и воссоздания правопорядка в надежде на то, что те же цели преследуют казаки. Башкиры предложили создать «Казацко-башкирский союз». Вопрос о принятии башкирами казачьего сословия присутствующие отнесли к компетенции всебашкирского съезда «во избежание разногласий и раздоров» между башкирами. Для переговоров с казаками избрали делегацию в составе М.Г. Курбангалиева, А. Ханитова, М.-С. Ах-Шанова [30].

В свою очередь, войсковой круг Оренбургского казачьего войска обратился «к народу вольной Башкирии», ознакомившись с приветствиями представителей пяти волостей Челябинского уезда и десятью протоколами других волостей по поводу укрепления взаимоотношений башкир и казаков. Войсковой круг поблагодарил за доверие и заверил, что казаки, как сторонники широкого самоуправления, не будут препятствовать самоопределению башкир. В обращении было сказано об общей ценности, разделяемой казаками и башкирами — Великой России. Казаки выражали надежду, что башкиры свои национальные стремления сумеют согласовать с общегосударственными интересами. Казаки одобрили идею создания Казачье-башкирского союза и предложили отправить своих представителей на башкирский съезд [13. Л. 14].

Проблема перехода башкир в казачество и создание самоуправления вроде казачьего, прозвучавшая в феврале 1919 г. на встрече адмирала Колчака и Курбангалиева, вновь стала актуальной осенью этого же года и нашла отражение в докладной записке Верховному правителю, составленной М.-Г. Курбангалиевым, Г.-А. Антабаевым, Г.Х. Тукаевым, М. Шамгуловым. Авторы ее уверяли власть в нежелании башкирского народа создать отдельное государство и стремлении его отдать «все для спасения России от богоотступников-большевиков». Главная цель башкир, как было сказано в записке, — это «обеспечение национального быта», исторического права на землю, восстановление изъятых в 1863 г. права на казачество и права на автономное башкирское духовное управление [25. Л. 202(об.)-203].

Авторы письма обратили внимание на несправедливость по отношению к башкирам. Башкиры принесли жертв не меньше, чем казаки. Но правительство снабжало казаков лучше (10 млн руб. выделило на уборку урожая, 24 млн руб. — на помощь казакам-беженцам), чем башкир, которые получили на помощь беженцам всего 100 тыс. руб. Уполномоченные башкир предупредили о негативных последствиях такой несправедливости, ибо это могло сказаться на настроении и поведении башкирских солдат на фронте.

Выразив самые лучшие чувства к возрождающемуся Российскому государству, авторы письма сформулировали свои требования к правительству:

- 1) «образовать отдельное башкирское казачье войско во главе с наказным атаманом, назначаемым Вашим Высокопревосходительством;
- 2) учредить Главное управление башкирского казачьего войска при военном министерстве;
- 3) образовать комиссию для разработки Положения о Башкирском казачьем войске под председатель-

ством господина военного министра с разрешением представителям от башкир участвовать в ней в качестве сведущих лиц с жизнью башкир».

Содержались в письме и экономические требования: открыть беспроцентный кредит в размере 25 млн руб. для восстановления хозяйства, оказать помощь беженцам в сумме 5 млн руб. В то же время в нем имелись предложения политического свойства: обеспечить 22 места башкирам в Государственном земском совещании (из них 7 депутатов по назначению Верховного правителя). Башкирские уполномоченные просили «немедленно утвердить положение о Духовном управлении Башкирии», представленное еще весной Главноуправляющему по делам вероисповеданий.

В заключение выражалась уверенность в том, что Верховный правитель и Совет министров удовлетворят нужды башкирского народа, «положив тем самым прочный фундамент в опору государственной власти в лице башкирских джигитов» и ликвидации Советской Башкирской республики [25. Л. 203-203(об.)].

Из-за отступления и потери Урала колчаковские власти не смогли удовлетворить требования башкир. Часть башкир пополнили ряды белой армии. Башкирские лидеры через министра иностранных дел Сукина обратились с просьбой оказать помощь в эвакуации беженцев-башкир к представителям союзников графу де Мартелю и сэру Ч.Дж. Эллиоту, которые обещали известить свои правительства о тяжелом положении башкирского народа.

В этих трудных условиях в конце 1919 г. идея башкирского казачьего самоуправления была поднята военным министром Ханжиным и генералом Беловым, поддержана В.Н. Пепеляевым [12. С. 326]. Но она не была реализована вследствие падения колчаковской власти.

В годы гражданской войны башкирское движение было наиболее активным (вместе с татарским) из всех национальных движений Урало-Волжского бассейна. Оно развивалось на территории Оренбургской и части Уфимской губерний. Для него было характерно стремление к самостоятельности, обособление от общероссийского мусульманского движения. Летом 1917 г. произошло его организационное оформление. Оно стало самостоятельным — со своей программой и лидерами.

Внутри башкирского движения отсутствовало единство. Личностный фактор влиял на формирование цели башкирского движения. Этому способствовали политические, экономические и религиозные причины. Среди башкир в XIX в. получил распространение суфизм в форме ишанизма. Ишаны (башкирские суфии) имели многочисленных последователей (мюридов). Башкиры обычно являлись наследственными сторонниками ишанов какого-либо рода. Известны были целые династии ишанов Тукаевых, Расулевых, Курбангалиевых и др. Роль ишанов в формировании мировоззрения своих учеников, их идейных, общественно-политических и нравственных убеждений была исключительно велика. Под их влиянием сформировалась значительная часть башкирской интеллигенции. Последователи ишанов Расулева и Курбангалиева представляли собой два течения в башкирском ишанизме. Их различали взгляды на перспективы образования среди мусульман, отношение к революционно-

му движению и дальнейшей судьбе башкир, что перешло в политическое противостояние между их последователями в 1917-1920 гг. Но ислам не стал самостоятельной политической силой в Башкирии.

Сторонники Валидова (из рода Расулевых) ставили своей целью достижения национально-территориальной автономии Башкирии, что стало качественно новым явлением в национальном башкирском движении. В прошлом башкиры имели возможность для консолидации в рамках военно-казачьего сословия и обладали своим самоуправлением, но государственности не имели.

Основные политические лидеры башкир того времени - Валидов и Курбангалиев - предложили свои варианты решения башкирской проблемы. Курбангалиев и его сторонники проявили высокую лояльность к

власти и стремление к сотрудничеству с ней. Колчаковское правительство постоянно находилось в контакте с ними, не отвергая требования на национальную самобытность и самоуправление, учитывая при этом геополитический фактор мусульманского влияния и желание не допустить консолидации мусульман.

По мере военных неудач Верховного правителя снижался уровень требований курбангалиевцев. Не надеясь на качественно новое решение проблемы, предложенной ими, Курбангалиев и его сторонники стали настаивать на возвращении к старому - казачьему - самоуправлению, но дополнив его представительством башкир в Земском собрании. В целом же это движение не вступило на путь дезинтеграции российской государственности и противостояния мусульман с немусульманами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верецагин А.С.* Некоторые новые тенденции в изучении Башкирского национального движения в годы гражданской войны // Отечественная история. 2002. № 4.
2. *Юлдашбаев Б.Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995.
3. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
4. *Аминев З.А.* Октябрьская революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1996.
5. *Валиди Тоган Заки.* Воспоминания. М, 1997.
6. *Вестник Приуралья.* 1919. 29 марта.
7. *Камалов Г.Х.* Отдельная башкирская кавалерийская бригада на фронтах гражданской войны. Уфа, 1972.
8. *ГАРФ. Ф. 1700. Оп.1. Д. 77.*
9. *ГАРФ. Ф. 176. Оп.4. Д.84.*
10. *Жизнь Алтая.* 1918, бдек.
11. *ГАРФ. Ф. 148. Оп.1. Д.23.*
12. *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение (1917-1921). Уфа, 2000.
13. *ГАРФ. Ф. 200. Оп. I. Д.281.*
14. *Культурно-национальная автономия в истории России.* Томск, 1998. Т. 1.
15. *ГАРФ. Ф. 1701. Оп.1. Д.65.*
16. *ГАРФ. Ф. 1700. Оп.1. Д. 57.*
17. *Правительственный вестник.* 1919, 11 июня.
18. *Отечественные ведомости,* 1919, 13 июня.
19. *Сибирская речь.* 1919, 12 июня (30 мая).
20. *Военные ведомости.* 1919, 18 июня.
21. *Вестник Приуралья.* 1919, 25 апр.
22. *Известия Министерства земледелия.* 1919, № 16-17.
23. *Русская армия.* 1919, 11 апр.
24. *Сибирская жизнь.* 1919, 25 окт.
25. *ГАРФ. Ф. 1700. Оп.1. Д. 3.*
26. *Русь.* 1919, 28 авг.
27. *Русская армия.* 1919, 5 июля.
28. *Правительственный вестник.* 1919, 6 июля.
29. *Сибирская жизнь.* 1919, 5 июля.
30. *Вестник Приуралья.* 1919, 15 апр.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 21 ноября 2002 г.